

23.X.1981 г. в Нью-Йоркском университете состоялась научная конференция, посвященная 25-й годовщине венгерской революции 1956 года. Конференция длилась всего один день, но ее программа была очень обширной. На вопрос "Кто оказался победителем?" докладчики отвечали по-разному. Некоторые считали, что победила контрреволюция, что венгерская революция была полностью раздавлена советскими танками. Но другие склонны думать, что относительная свобода слова, творчества, передвижения, предпринимательства, характерная для современной Венгрии, — прямой результат событий 1956 года.

В прошлом номере мы печатали два прочитанных на конференции реферата. Ниже мы приводим выступление профессора канадского университета Роберта Блумстока. В следующих номерах мы продолжим публикацию сделанных на конференции докладов. — Ред.

Роберт Блумсток

ЧТО ТАКОЕ "НОРМА" ?

Навряд ли "Уолл стрит джорнал", — этот рупор капитализма, — подходящее место, чтобы справлять торжества по поводу 25-летия Венгерской революции. Публикация этим органом печати 20 октября 1981 года обширного, на 6 полос, материала, в котором превозносятся открывшиеся в современной Венгрии деловые и финансовые возможности, тем более может восприниматься как своего рода уникальное свидетельство о переменах, которые совершились в Венгрии после трагических событий 1956 года.

Если верить Маклюэну и если, действительно, любая информация нечто сообщает, то упомянутый рекламный материал предназначен убедить читателя в том, что, наперекор известным осложнениям, в этом уголке Восточной Европы пытаются вернуться к "нормальной" жизни.

Но что такое "норма"?

Даже при более ясных обстоятельствах нелегко бывает установить, в чем именно она состоит. А в контексте венгерской

истории подобное предприятие и вовсе сомнительно. Несколько проще взглянуть в прошлое и сравнить его с настоящим. Тогда легко заметить, что жизнь венгров никогда не была особенно "нормальна" или, иначе говоря, что режимы, которые ими управляли, как правило, не отвечали нуждам, интересам и желаниям народа. Скажем, лет 50 назад в стране господствовала аристократия, которая выродилась в анахронизм и была озабочена лишь тем, чтобы спасти свои привилегии, а для этого сдерживать натиск динамичного XX столетия. Она культивировала в стране самые низменные ура-патриотические страсти. Вина за тяжелое положение населения перелagалась на евреев. Постыдная "процентная норма" введена была даже в свод законов. Крестьянство в большинстве своем безропотно страдало, как, впрочем, и за несколько веков до того.

Заглянув в прошлое несколько глубже, возвратившись к 1906 году, то есть на 75 лет назад, мы попадаем в эпоху, которую иногда склонны считать началом венгерского золотого века. После того, как был закреплен Компромисс 1867 года, Венгрия добилась положения равного, хоть и неустойчивого партнера в двойственном монархическом союзе. Полученная ею автономия во внутренних делах способствовала подъему активности и началу индустриализации. Будапешт из провинциального захолустья превратился в первый в Европе город с системой метрополитена. Однако, именно тогда тогда нищета деревни и своекорыстие правящего меньшинства вынудили многих венгров искать удачу на шахтах и в прериях Америки.

Можно, взвешивая положительные и негативные аспекты венгерской истории, заглянуть и еще дальше в глубь веков, чтобы убедиться, что и тогда правители больше всего из всех ресурсов страны пренебрегали и злоупотребляли собственным народом. Мы обнаружим, что в Венгрии всегда было больше неудачников, чем счастливых, больше людей, капитулировавших перед обстоятельствами, чем овладевших ими. И главной из потерь неизменно оказывались обманутые надежды. Апокалипсис второй мировой войны, казалось, должен был навеки закрыть возврат к прошлому. И все же всего через несколько лет, когда утвердился режим Ракоши, вернулась и традиционная "ненормальность" — под новыми личинами и кличками, но поразительно похожая на прежнюю. Опять правящая камарилья покушалась на человеческое достоинство венгров, а то и на их жизнь.

События 1956 года преобразили страну. Жизнь стала выглядеть более "нормально", чем когда-либо прежде. Ожили надежды, которые столько раз оказывались обмануты.

Революция 1956 года положила конец попыткам сделать из венгров "бессеребрянников", что требовало бесконечных увещаний и неуспешной бдительности. Отказ от них ознаменовался лозунгом: "Кто не против нас, тот с нами!". Вера в идею, преданность ей уступили место на шкале добродетелей требованиям профессиональной компетентности. Акцент на эффективность реабилитировал стремление к выгоде, заботу о личных благах и целях. Хотя подобные перемены не находили никакой идеологической опоры в марксистской догме, самые преданные партии экономисты и интеллектуалы исходили из простой истины: лучше, чтобы люди ходили по магазинам, чем демонстрировали на улицах.

Этот поворот венгерского социализма к реальной жизни начался в 1968 году, когда был введен Новый экономический механизм (НЭМ), который подразумевал децентрализацию экономического планирования и поощрял стремление промышленных и сельскохозяйственных предприятий быть рентабельными. Хотя с тех пор НЭМ неоднократно подвергали критике и видоизменяли в деталях, он продолжает оставаться ведущим фактором превращения Венгрии из страны, рабелепно повторявшей провалы советской экономики, в страну новаторски, а порой и мужественно пролагающую новые пути в специфических условиях Восточной Европы.

Номинальным, если не действительным лидером этого движения остается Янош Кадар. Из послушной марионетки он, подобно Буратино, превратился в "живого мальчишку", а ниточки, привязывающие его и Венгрию к Советскому Союзу, видны теперь только под определенным углом зрения. Конечно, пути эти существуют и сейчас, например, присутствие на территории Венгрии советских войск, — и, конечно же, режим по-прежнему абсолютно нетерпим к тем, кто усомнился бы в целесообразности для Венгрии оставаться в советской сфере влияния.

В итоге всевозможных компромиссов в сегодняшней Венгрии сложилась сравнительно "мягкая" и свободная система, которая поощряет и стимулирует то, что характерно для западных народов — делать и тратить деньги, стремиться к "хорошей жизни".

Рабочее венгерское государство кажется теперь потребительским раем по контрасту с постоянными нехватками и пустыми полками магазинов, скажем, в Румынии. Политические дискуссии, гласность, подотчетность правительственных чиновников, которые должны часто появляться на экранах телевизоров, как бы оттеняют военизацию, характерную для восточногерманского режима (кстати, венгерские сатирики давно прозвали Восточную Германию казармой). Расцвет в Венгрии частной инициативы подчеркивает идеологическую жесткость также и чехословацкого режима: чехов и словаков понуждают теперь довольствоваться условиями, убогость которых могут по достоинству оценить только они сами.

Через 25 лет после событий 1956 года представляется совершенно бесспорным, что венгерский социализм поддался доводам рассудка и требованиям жизни. Правительство там действительно пытается заслужить лояльность к нему населения, а не устанавливать ее директивно. Оставшиеся ограничения напоминают старые, стоптанные, но удобные домашние туфли, которые мягко облегают мозоли, но могут быть легко сброшены, если уж очень захотелось пошевелить пальцами.

За последствиями изменений и новшеств наблюдают самые крупные в Восточной Европе социологические организации. Их исследования, которые непрерывно совершенствуются, были начаты с конца 1950-х годов. Хотя результаты этих исследований не только влияют на политические решения, но иногда и определяются ими, наиболее показателен сам факт их проведения.

Больше всего исследований до сих пор провели и опубликовали Исследовательский центр средств массовой информации и Институт социальных исследований. Существует и достаточное количество запретных тем, а мотивы этих ограничений очевидны. Нельзя, например, сомневаться в законности правления коммунистической партии, в истинности и величии марксизма-ленинизма, в необходимости присутствия советских войск. Но все-таки многочисленные публикации дают пусть и не полные, но весьма ценные сведения о том, что происходит в Венгрии.

Исследования венгров затрагивают практически все стороны их жизни, но из-за недостатка места, мы попытаемся отметить лишь некоторые из имеющихся результатов.

Средства массовой информации

Радиоприемников и телевизоров много, и население широко пользуется ими. Нет недостатка и в газетах, которые рассчитаны на разнообразные вкусы. Хотя многие слушают радио и смотрят телевизионные программы, то есть пользуются электронными средствами информации, большинство венгров по-прежнему в поисках новостей обращается к газетам. Однако внушает тревогу такой, например, вывод, полученный на основе проведенных исследований. Интенсивное пользование средствами информации не приводит к повышению уровня осведомленности, — особенно среди низших социально-экономических групп. Об этом наиболее наглядно свидетельствует тот факт, что промышленные рабочие и крестьяне не интересуются газетами, которые делают основной упор на текущие события и политический анализ. С другой стороны, самые образованные слои венгерского населения меньше интересуются массовой информацией, чем люди среднего образования. Кто имеет доступ к иным источникам информации, видимо, скептически относится к официальной пропаганде.

На нижних ступенях общественной лестницы жизнь наполнена элементарной борьбой за существование. Идеология там мало кого волнует. Но и более образованные, глубже вовлеченные в общественную жизнь люди также безразличны к идеологии, ибо располагают независимым запасом знаний, используют не только официальные, но и неофициальные источники информации.

Семья

Исследования семейных отношений и положения женщин раскрыли сложную картину, в которой неустойчивость сочетается с истовой приверженностью к формальностям брака как института. Процент как браков, так и разводов, высок, а рождаемость низка, несмотря на принимаемые с 1974 года меры по увеличению численности населения. (В частности, в Венгрии затруднены аборт.) К главным причинам, отрицательно сказывающимся на рождаемости, относят хроническую нехватку жилья и недостаток мест в яслях и детских садах.

На женщин, которые составляют сейчас 44% активной рабочей силы, наряду с домашними обязанностями, падает и производственная нагрузка. Стремление многих женщин выполнять традиционную роль хозяйки дома оказывается в противоречии с потребностью участвовать в общественном труде. Многие женщины работают не ради самовыражения, а по материальной необходимости. Такая двойственность не возбуждает ни протеста, ни противодействия, воспринимаясь как проявление традиционной тяжелой женской доли.

Повышение эффективности сельскохозяйственного и промышленного производства не обошлось без серьезных смещений в социальной структуре. В Венгрии, как и в любой другой современной стране, экономический прогресс и повышение жизненного уровня создает для женщин и семьи многочисленные личные трудности.

Образование

После превращения полуфеодальной Венгрии в страну, где присутствуют, хотя и не вполне функционируют, все основные элементы современной жизни, новые нагрузки падают на государственную систему образования. За последние 25 лет имел место серьезный сдвиг от аграрной деятельности к индустриальной, от ручного труда к механизированному. Это оказало глубокое влияние на структуру венгерского общества, повысив общий профессиональный уровень, открыв новые возможности для перемещения вверх по социальной лестнице ("социальной мобильности").

Хотя при более зрелой экономике возможностей в этом отношении больше, социальная мобильность постепенно замедляется, предполагает более специализированный характер знаний и навыков. Профессиональная структура страны уже не может размещать и вознаграждать всех тех, кто стремится "вверх". Выходцы из привилегированных слоев получают в такой обстановке больше шансов в борьбе за самые выгодные и престижные места. Преимущества, полученные теми, кто успел выдвинуться в период бурного развития Венгрии, готовы превратиться в определяющий фактор развития Венгрии, готовы превратиться в определяющий фактор нового деления на классы.

И все же имеющиеся перспективы роста, пусть и ограниченные, пока не погасили амбиций учащейся молодежи и ее родите-

лей. Трудно заметить даже какие-либо признаки беспокойства по этому поводу. Для страны в целом характерен оптимизм, хотя венгры прекрасно знают и понимают, какие трудности их ждут. Преобладание среди населения позитивной точки зрения на будущее социалистических обществ свидетельствует об успехах воспитательной работы государства.

Труд

Напомним старое шутливое наблюдение, как на разных языках называют добывание средств к существованию. Англичанин зарабатывает (earns) вознаграждение за свой труд, француз его выигрывает (gagne), немец выслуживает (verdient), а американец делает (makes) деньги. Что же касается венгра, то он ищет (keres). (Можно добавить, что русский просто получает "получку". — *Ред.*) Наперекор марксистскому постулату, что бытие определяется производственной деятельностью, венгры напряженно стремятся найти такие виды деятельности, которые как можно быстрее приносят ощутимую выгоду. Исследования показали, что венгерские рабочие в первую очередь озабочены заработком и поисками лучших условий труда. Что же касается идеологии, то рабочие пассивно воспринимают ее как данность, которую не ставят под сомнение и принимают за нечто само собой разумеющееся.

Стремление венгров делать деньги и было подмечено политиками, которые провели экономические реформы и узаконили частное предпринимательство. В развитие этих тенденций в 1982 году ожидаются дальнейшие перемены: предполагается разрешить частные фирмы с ограниченной ответственностью, которые будут способны конкурировать с государственными предприятиями. Эти "кооперативы", сводя к минимуму риск неудачи, смогут распределять прибыль, продавая свои акции тем, кто сочтет для себя выгодным финансировать их выход на рынок. Еще немного, и откроют Будапештскую биржу, оправдываясь, вероятно, необходимостью ввести эффективные механизмы социалистических накоплений!

Политика, идеология, диссидентское движение

Уже сейчас можно сказать, что венгры, не отяготив себя сколько-нибудь серьезными идеологическими обязательствами, приняли реформы спокойно. Хотя средства массовой информации и вся система образования не перестают твердить о необходимости укреплять социалистическую сознательность, революционный пролетариат так и не появился. Это озадачивает некоторых партийных чиновников. Но, с другой стороны, идеологическое безразличие масс не предвещает ни оппозиции, ни появления ереси. Оно, видимо, лишь отражает отсутствие альтернатив существующим идеям и социальным структурам, причудливое переплетение которых определяет нынешний образ жизни венгерского народа.

Единственная группа, которая находится в открытой оппозиции к господствующим современным настроениям, составила, в основном, хотя и не исключительно, из учеников и сотрудников Георга Лукача, которые называют себя его "детьми" и "внуками". Эта группа впервые заявила о своем отрицательном отношении к официальной политике в связи с участием венгерских войск в оккупации Чехословакии (1968 г.). Позднее инакомыслие проявилось в 1974 году на процессе Миклоша Харашти, который написал книгу о тяжелом положении рабочих на плохо управляемой фабрике. Наконец, оппозиционность этой группы выразилась в заявлениях поддержки чехословацкого правозащитного движения "Хартия 77".

Интересы этого венгерского варианта оппозиции хотя и не легко определить, сосредоточены, в основном, на сфере идеологии и морали. Это — открытый вызов коммерческой ориентации и потребительским настроениям в партии и правительстве, которые свидетельствуют о явном пренебрежении к философским первоосновам. Оппозиционеров исключают из партии, а иногда лишают видных постов. Некоторые самые известные представители этой группы покинули Венгрию, а другие, потеряв работу, лишены возможности заниматься умственным трудом. Их произведения, как правило, мало доступны венгерскому читателю, но публикуются по-английски и на других языках. Некоторые из них расходятся в Самиздате.

Отношение властей к инакомыслию, по сравнению с другими странами Восточной Европы, можно считать мягким. Никто из венгерских инакомыслящих не сидит в тюрьме. Самым шумным диссидентам власти как бы молчаливо предлагают:

”Ради Бога, протестуйте, разоблачайте противоречия венгерской жизни. Но почему бы вам не делать это на Западе, — допустим, в Австралии? Там вы найдете более чуткую аудиторию, да и заработаете больше”.

Влияние этой оппозиции следует признать весьма ограниченным. Подавляющее большинство ее потенциальных сторонников примирилось с действительностью. Формой адаптации становится пассивное приспособленчество и маневрирование в рамках сложившихся условий. Определяющим мотивом поведения большинства венгров становится поиск уютного местечка, в котором можно наслаждаться жизнью, не затрачивая чрезмерной духовной энергии на порывы к недостижимому.

Это подтверждается также и отношением венгров к вопросу о довольно многочисленном венгерском меньшинстве в Румынии. Проявления национализма — это наболевшее место во всей Восточной Европе — конечно, не исчезают. Но пятьдесят лет назад по Венгрии разносился клич: ”Никогда!” и требования воссоединения венгерской области, территория которой входит в состав Румынии. Сейчас беспокойство о венгерском меньшинстве за границей ограничивается словом ”когда-нибудь”. Это приглушение национального сознания продиктовано страхом перед последствиями, которые могли бы нарушить существующее сейчас равновесие.

Также противоречиво и отношение к Польше. С одной стороны, венгры сочувствуют стремлению поляков исправить грубые ошибки экономического и политического руководства, которые привели страну к банкротству. Но, с другой стороны, есть и опасение, что советская реакция на события в Польше может задержать и венгерские реформы.

Из сказанного очевидно, что венгры сейчас живут лучше, чем прежде, и хотят избежать помех дальнейшему повышению их жизненного уровня. Противоречия, конечно, остаются, но как преграда, которую лучше обойти, чем штурмовать. Некоторых, вероятно, не устраивает, что личные интересы оказались выше идеалов социальной справедливости, но ведь именно это помо-

гает венграм наилучшим образом справляться с трудной ситуацией. Компромисс, конечно, унижителен и неудобен, но он как-никак дает результаты, что, по-видимому, и определяет доверие населения к руководству страны, которое с 1956 года трудится над постройкой этой неуклюжей, громоздкой, но все-таки жизнеспособной системы.

Заключение

Усилия Кадара и его стратегов привели к тому, что теперь больше, чем когда-либо прежде, венгры заинтересованы в стабильности и надежности политического и экономического состояния своей страны.

Будущее, конечно, предвидеть трудно. Но, судя по планам, которые уже объявлены, политику Венгрии можно сравнить с головоломкой ”рубик-кубик”, суть которой заключается в том, чтобы после того, как квадратики переставлены, вернуть их в исходное положение, сделав при этом наименьшее количество ходов. Теперь, когда обеспечена лояльность широких масс населения, в скучноватой венгерской жизни вполне возможны и некоторые иного сорта перемены. Провести их опять-таки не легко, хотя уже налицо признаки, что связи с Западом удастся расширить при минимальном количестве ходов; действие свободного рынка принесет, вероятно, свои плоды. Сколь далеко зайдут эти перемены, пока не ясно.

Венгры много веков жили в уже не существующих имперских государствах. Венгрия входила то в Османскую, то в Габсбургскую империи. Ныне Советский Союз готов примириться с ней как с самым благополучным из своих вассалов.

Это ли признать за ”норму”?